

Вероника КОВАЛЬ, кандидат филологических наук

«И ВСЕ ЖЕ ТОСКУЕМ О СТРАННОЙ ОТЧИЗНЕ» (Один из «незамеченного» поколения)

Насчет переселения душ — не знаю. Но что были и есть в мировом пространстве-времени души, родственные нашим, знаю точно. Вдруг окутают теплом строки какого-то средневекового поэта, и поражаешься, что ты, дитя двадцатого века, чувствуешь так же, как он. Или с картины вдруг полыхнет взглядом страстный идадьго и пронзит сердце тоской несбыточной мечты: почему, почему мы не сошлись во времени? Нечто подобное испытала я и при знакомстве с Карлом фон Гершельманом. Сначала с его творчеством, затем — с историей его жизни.

Первопричина моего интереса к личности Гершельмана имеет чуть ли не детективное начало. Сколько-то лет назад таллиннский музей посетил приезжий из Германии. Он назвался сыном художников Карла и Элизабет фон Гершельман. В семье хранится многое из их творческого наследия.

Даже для эстонских искусствоведов сообщение о том, что "нашли" работы подзабытых художников, оказалось сенсацией. Элизабет была эстонкой, дочерью крепостного, который в свое время спас в бою барона Розендорфа, и тот в благодарность даровал ему вольную и свою родовую фамилию. Карл происходил из древнего дворянского рода прибалтийских немцев. Супруги в 20-30 годы прошлого века жили в Таллинне. Она занималась росписью фарфора, он — графикой. Вскоре музей открыл для соотечественников эти имена, организовав выставку работ из семейной коллекции и других музеев. Об этой экспозиции и коротко об авторах искусствоведа Май Левин поведать в 2005 году на страницах эстонского журнала "Вышгород".

Ну и что? Как говорится, что мне Гекуба, что я ей?

Не могу понять, почему, но при чтении очерка я вдруг подспудно ощутила, что не случайно пришел он мне в руки, не случайно.

Интуиция меня не подвела. Вот оно! Карл Гершельман (он не любил свое баронское "фон") учился в Одесском кадетском корпусе, затем на философском отделении Новороссийского университета. Выходит, самые благоприятные для развития личности годы художник провел в нашем городе!

Иллюстрирована была статья несколькими графическими листами художника. По благородству и изысканности рисунка чувствовалась близость его к русскому модернизму, который мне очень интересен, а потому усилился интерес и к автору.

Карл Гершельман, говорилось в рецензии, не только художник, но и поэт, эссеист, философ. Приведена ней в качестве примера строфа из стихотворения, которое полностью я затем обнаружила в одном из эмигрантских изданий:

Удалось однажды родиться.
Обещали — жизнь впереди.
От надежд голова кружится,
Сколько силы в плечах, в груди.

Вот и юность. —
Теперь уже скоро.
Вот и старость. Где же, когда?
— За окном: решетка забора,
Телефонные провода.

Это в с е? — Конечно, до гроба.
Это жизнь? — А кто же? Она.
— Значит, это лишь так,
для пробы,
Значит, будет еще одна.

Странный диалог лирического героя с кем-то, кто, видимо, знает ответ на все вопросы! В нем столкнулись нетерпение юности, разочарованность от несбывшихся надежд, самоирония, зашкаливаю-

щий оптимизм... Ясно, что поэт — человек не только чувствующий, но и думающий.

Все узнанное из статьи говорило о том, что разностороннее творчество Карла Гершельмана — не однодневка, не суррогат искусства, а подлинное искусство. Как интересно было бы вчитаться в прошлепестившие страницы его стихов, взглянуть в рисунки, почувствовать, что тревожило душу его поколения!

Значит, нужно "копать"!

В Одессе из знакомых мне краеведов и литературоведов об этой интересной личности никто не слышал. Нитью Ариадны послужили сведения, собранные в статьях и книгах исследователя Сергея Исачкова. Он собрал огромный материал о взаимодействии культур различных национальностей. В частности, много лет изучает культурные связи Эстонии с Россией и Украиной. Через него я вышла на различные издания, в том числе эмигрантские. Погрузилась в плохое знакомый мне ранее мир, где жили, творили, чувствовали насильно разлученные с родиной люди. Карл фон Гершельман был среди них фигурой не одиозной, но заметной и, как мне кажется, являлся для них в определенной степени камертоном художественного вкуса и человеческой порядочности.

Для начала — линия его жизни, хотя бы пунктиром.

В 1899 году в Севастополе, в семье Карла Львовича фон Гершельмана, доктора медицины, генерала медицинской службы, родился сын. По дворянской традиции называли его именем отца. Военная профессия была, так сказать, фамильной. Второй сын Карла Львовича, Михаил, как удалось выяснить, в первую мировую был подпоручиком 2 дивизии 15 артиллерийской бригады. В начале нового века генерала перевели по службе в Одессу. Видимо, тоже на начальствующую военную должность, поскольку сведения о нем занесены в Адрес-календарь Одесского градоначальника на 1912 год. Он являлся членом совета Евангелическо-лютеранского прихода церкви св. Павла.

Поселился генерал с семьей на улице Херсонской, 17. Представьте мои чувства: долго изучать биографию героя и в конце понять, что он провел детство и отрочество в двух шагах от библиотеки, где я листала Адрес-календарь! Вглядывался в те же лепные орнаменты на купеческих домах, слышал крики торговцев с того же Нового рынка, конское ржание и скрип телег по утрам. Я словно видела — вот идет худенький мальчик в кадетской форме и подкидывает ногами желтую листву деревьев, которые тогда вовсе не были большими... Мне становилось по-человечески ближе и понятней то, что выскажет он впоследствии в своих стихах-размышлениях.

В 1906 году мальчика определили в Одесский кадетский корпус. Однако запомнились ему из этих

В центре семейного снимка
Карл фон Гершельман

лет не только уроки ратного дела. В длинном автобиографическом стихотворении он вспоминает

О том, как лежал кадетом
В саду, в траву животом,
И были: сад разогретый
И я, и Жюль Верна том...

Не просто о чтении идет речь, а об увлечениях, которые шли вразрез с семейными традициями. Формально Карл следовал им. Окончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Участвовал, правда, недолго, в первой мировой. Был капитаном лейб-гвардии 3-й гвардейской артиллерийской бригады. Воевал в войсках Деникина и Врангеля на Южном фронте. Но все-таки верх взяла иная страсть. Юноша круто повернул судьбу свою в те поля, где говорили не пушки, а Музы. Он поступил на философское отделение Новороссийского университета.

Получить серьезное образование не пришлось. Вместе с армией Врангеля Гершельман был эвакуирован в Турцию. Только через год ему удалось через Болгарию, Румынию и Польшу пробраться в Ригу, а с 1922 года он в Таллинне. На этом карьере военного закончилась. Он служил чертежником-графиком в министерстве земледелия, на лесопильной и текстильной фабриках. Впоследствии он будет вспоминать

Про годы скучной работы,
Про то, как становишься стар,
Про службу, деньги, заботы
И вечной спешки угар...

Однако у истинно талантливой природы под серой золой буден горит-разгорается золотой огонь иной жизни — радостной, прекрасной, потому что — творческой. Каждую свободную минуту Карл посвящал искусствам. Он влился в художественные и литературные круги города. И жену там встретил. Элизабет уже выставляла свои тонкие, изящные акварели, расписывала фарфор. Сохранилась интересная фотография тех лет, сделанная где-то на даче. За дощатым столом сидят Карл-старший — седовласый, почтенный, в черном сюртуке, и Карл-младший с молодой женой — оба в светлом, улыбаются, будто день сулит им только счастье.

Первые показы работ и первые публикации сделали Гершельману имя. А он творил все напряженной и смелой. Техника оттачивалась, размышления обретали глубину.

Он стал неперенным участником художественных выставок и литературных сборников. Таковыми оказались по результату эти "годы скучной работы".

В 1940 году Карл после мучительных колебаний был вынужден покинуть Эстонию. Годы войны он с женой и детьми Константином и Анной провел в Польше. В 1945 году семья бежала через Берлин в баварский городок Эйхштадт. Там уже больной астмой художник занимался иллюстрированием детского католического журнала, написал "Распятие" для местного монастыря.

21 декабря 1951 года Гершельман не стало. В эмигрантском "Новом журнале" (Нью-Йорк, 1952, № 31) писатель Юрий Иваск выступил с прощальным словом о старом друге, с которым немало копий было сломано в литературных дискуссиях: "Высокого — рыцарского — роста, с неистребимой выправкой военного, всегда тщательного одетый, (хотя часто бедствовал) и подтянутый, он был скромным и даже застенчивым, и не внешне, а внутренне походил на своего любимого толстовского героя — Безухова. Как Пьер, он думал свою думу и имел контакт только с людьми узкого дружеского круга, чуждого суеты и тщеславия. Для немногих, знавших К.К., его смерть — потеря, которую нечем заменить".

Пьеро
Тушь. Конец 20-х годов
Из коллекции Гершельманов. Германия

Итак, известно верно, что Карл Карлович жил с родителями в Одессе примерно с семи до двадцати лет. Он впитывал вольный воздух Южной Пальмиры, вглядывался в необозримую горизонт, за которым детское воображение рисовало картины экзотических городов Востока, ленивую роскошь африканских базаров. Кадетов часто выводили на море, они лазали по скалам, учились гребле и плаванию. В стихах и рисунках Гершельмана мне не встретились пейзажные импрессионистские зарисовки Одессы. Возможно, он не сохранил детские опыты в эмигрантских скитаниях. Но я ближе к другому объяснению: склонность к философии заставляла его отмечать детали, пусть даже живописные, поскольку в каждом явлении он искал квинтэссенцию.

Несомненно, в кадетском корпусе он получил широкое образова-

ние. В 1906 году, например, в фундаментальной библиотеке корпуса было 3,5 тысячи книг, представляющих историю военного дела, философских учений, мировую художественную литературу. Практиковались приватные уроки рисования карандашом и масляными красками. Кадеты лепили модели из воска, осваивали ремесла, фотографию. Мальчики сообща готовили театрализованные представления — разыгрывали классические сюжеты, писали декорации.

Старшие кадеты получали в качестве поощрения возможность провести свободное время в центре города. А там поэтической натуре было от чего растеряться, было чем подпитаться. На литературном и художественном фронтах происходили настоящие баталии. Страсти кипели между приверженцами классического искусства и авангардистами. В живописи традиционную для Одессы южнорусскую школу теснили всяческие "измы" — имажинизм, кубизм, фовизм, супрематизм... "Салон независимых" привлекал, конечно, в первую очередь, бунтарски настроенную молодежь, студенчество. Ниспровергатели старого искусства камня на камне не оставляли от традиционных художественных ценностей. Работы Василия Кандинского, братьев Бурлюков, Павла Филонова, Александры Экстер, безусловно, оказали влияние на эстетику Гершельмана больше, чем реалистическая школа. Трудно сказать, посещал ли начинающий художник открывшуюся в 1918 году свободную школу пластических искусств или художественную школу Александры Экстер, но его творчество говорит о серьезном знании русского и европейского искусства и хорошем владении ремеслом.

Молодой кадет имел возможность посещать популярные тогда поэзоконцерты. Их афишами пестрели газеты. В Русском театре потрещали публичку громогласные Владимир Маяковский и Давид Бурлюк. Сладкоголосый Игорь Северянин выступил в компании лирического поэта Вадима Бояна и артистки-футуристки Эсклармонды Орлеанской. В 1918-19 года молодые поэты Анатолий Филолетов, Зинаида Шишова, Семен Кирсанов, Вера Инбер, Вениамин Бабаджан, Эдуард Багрицкий ярко заявили о себе. Литературное общество "Зеленая лампа" пропагандировало новое искусство, свободное от устаревших идей и языковых штампов. Альманахи "Шелковые фонари", "Авто в облаках", "Седьмое покрывало" были тому свидетельством. В этих сборниках нет стихов Гершельмана. Возможно, он посещал занятия литературных сообществ, поскольку впоследствии активно выступал с критическими разборами стихов собратьев по перу. Но, кажется мне, "веселое племя щелкоперов и болтунов" было не вполне созвучно самоуглубленности Карла. Скорее всего, он в те годы созрел как поэт и отнесился к себе самокритично, но не пытался подделаться под авторитеты.

Особую страсть Гершельман, судя по его литературному и научному наследию, питал к философии. Отвоевав свое ("на рассвете — рокот пушек по шоссе"), он стал студентом философского отделения. Один из авторов статьи о творчестве Карла Карловича пишет, что из занятий философией у юноши ничего не вышло. Это не так. Время для учебы было самое что ни есть неподходящее. Теоретически в Новороссийском университете можно было по-

лучить фундаментальные знания. Сама атмосфера разумного жизнеустройства, которую принесли в город его первоуправители, философские сочинения мирового уровня из библиотеки Ришелье и трех поколений Воронцовых, высокообразованные преподаватели — все было в университете. Достаточно назвать доктора философии, заслуженного ординарного профессора Николая Ланге. Его учебник логики был удостоен премии им. Петра Великого. На его лекции по философии математики ходили студенты всех факультетов. Много времени он уделял студенческим кружкам. Зная это, начинаешь понимать, чем навеян загадочный рисунок Гершельмана "Математик": худой человечек с прозрачным мозгом, в котором происходят, как в колбе, некие реакции, вычерчивает замысловатую конструкцию, вектор которой направлен в будущее. Думаю, что подобную манеру определили и увлечение наукой, и фантазия утопистов двадцатых годов, и ирония, которая прошивает ткань всех произведений Карла.

Университет в те годы содрогался от забастовок, застывал от холода, голодал, а, главное, профессорско-преподавательский состав и студенчество раскололись на два непримиримых лагеря. Профессура приветствовала приход в Одессу союзнических войск. В 1919 году Совет университета принял постановление избрать главнокомандующего вооруженными силами юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина почетным членом Новороссийского университета (в 1920 году оно было отменено).

7 февраля 1920 года Красная Армия заняла Одессу. Карл Гершельман в это время уже был призван в белую армию. При эвакуации добровольческой армии из Одессы бежала за границу большая группа профессоров во главе с ректором Кишенским. В документах архива университета их отъезд обозначен как "заграничные командировки". С этой волной эмиграции покинул Одессу и студент Карл Гершельман. Однако занятия на философском отделении стали для него серьезной основой для постоянного углубления знаний в этой области, по сути, сформировали его мировоззрение.

К сожалению, получить полное представление о творчестве Карла фон Гершельмана пока не представляется возможным. Его работы как художника, в основном, находятся в коллекции семьи. Всего лишь восемь стихотворений мне удалось разыскать в различных антологиях эмигрантской поэзии. Но надеюсь, очень надеюсь, что более глубокое знакомство с наследием незаурядного человека, сложившегося как творческая личность в нашем городе, еще впереди. А пока — то, что открылось.

Выставлялся Карл начал в Таллинне с 1925 года. Он писал акварелью, рисовал тушью и карандашом, иллюстрировал книги, создавал эскизы декораций, рисунки для тканей, занимался прикладным искусством. Оформлял альманахи "Девственная земля" и "Новь". Его привлекали фантастические, сказочно-фольклорные, религиозные сюжеты. Он постоянно обращался к классике. В его художественном творчестве нашли отражение мотивы поэзии и прозы Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Блока. Он был воспитан на русской культуре, был плоть от плоти ее.

Карл предъявлял к себе высокие требования в смысле художественной формы. Как отмечает искусствовед Май Левин, в образно-стилевом отношении его акварели, гуаши и рисунки примыкают к русскому символизму, к "Миру искусства", к стилю модерн, впитавшему в себя элементы кубизма и тяготеющего к арт-деко. Те репродукции, которые мне довелось увидеть, несут на себе печать времени. Они по духу сродни то изысканному романсам Вертинского, то гротеску карикатуристов, то нарочито грубой манере футуристов, то словно вышли из-под легкого пера романтика. При всем при том от

работ остается впечатление самобытности и целостности.

Гершельман был участником выставок в Тарту, Хельсинки (1929 г.), Киле, Кенигсберге, Любеке, Берлине (1929-30 гг.). Имел несколько персональных выставок. В августе-октябре 2004 года работы Карла и Элизабет демонстрировались в музее Адамсона-Эрика в Таллинне.

Более полно отражена в критике поэтическая и философская "составляющая" творчества Карла фон Гершельмана. Прежде всего нужно подчеркнуть, что она отражает мировоззрение сотен и сотен творческих людей, покинувших родину. Их масса неоднородна. Одну часть составляли те, кто уже имел имя в русской литературе, такие, как Куприн, Бунин. Вторая часть — дети таких людей. Они не видели Россию и любили ее только лишь отраженной в воспоминаниях отцов и матерей. Гершельман отно-

На тему фильма Ф. Ланга "Метрополь" Тушь. 1926-27 гг.
Из коллекции Гершельманов. Германия

сился к третьей категории — тех, кто увез с родины ярчайшие впечатления детства и юности, душой остался там, не сумев прикипеть душой к чуждой жизни. Принадлежавший к этой категории писатель Владимир Варшавский с болью говорил: "Пожалейте нас больше, чем всех ваших предков. У них было много горя, которое делало их достойными сострадания. У нас не было того, что их утешало". Он называет своих сверстников "незамеченным" поколением.

Надо отдать Варшавскому должное: в своем исследовании он делает все от него зависящее, чтобы память о талантливых литераторах не канула в Лету. Нельзя без скорби воспринимать приведенные им слова Владимира Ходасевича: "В известном смысле историю русской литературы можно назвать историей уничтожения русских писателей".

Трагически погибли еще молодыми Н. Гронский, В. Диксон, Б. Новосадов, Б. Поплавский, С. Шарнопольский.

Покончил с собой Болдырев.

Пропал без вести Агеев.

От тяжелых болезней, вернее, от тяжелой жизни преждевременно умерли Вера Булич, Карл Гершельман, Ирина Кнорринг, И. Савин".

Три главных темы определяли все творчество "незамеченного" поколения: Россия. Чужбина. Одиночество.

Карл Гершельман в этом смысле типичен. Расцвет его поэтической деятельности приходится на 30-е годы. Этому немало способствовало то обстоятельство, что русская диаспора была в Эстонии довольно многочисленна и активна. Только в Таллинне работало более тридцати русскоязычных писателей, существовало шесть литературных кружков. Карл был одним из организаторов и деятельных участников Ревельского цеха поэтов. Прочитал там доклады "О рифме", о поэзии Юрия Иваска, о сборнике стихов Г. Иванова "Розы". Участвовал в работе интересного Нымесского литературного кружка. Был членом правления русского таллиннского Литературного кружка. Сотрудничал в альманахе "Новь". Его статья "О современной поэзии" вызвала отклики в зарубежной прессе.

Свои произведения Гершельман отдавал в печать редко и неохотно.

Ни одного сборника он не составил. Большинство стихов, статей, эссе увидели свет после его кончины благодаря американской исследовательнице эстонского происхождения Темире Пахмус. По ним можно в определенной степени "реконструировать" мировоззрение и склад души Карла.

Словно именно о нем отзывалась поэтесса Зинаида Шаховская, характеризующая эмигрантов: "...их интересуют не столько "вещи мира", сколько их скрытый смысл. На всем их творчестве лежит отпечаток интеллектуальности, субъективности". Я бы добавила, что поэзия Гершельмана является попыткой заглянуть в подсознание и одновременно осмыслить себя и человека вообще в контексте мирового и даже космического времени.

Философствование в поэзии — вещь опасная. Набор истин, пусть даже глубоких, не вызывает чувственного отклика, а именно в нем — сила влияния поэзии. Карл Гершельман умел выразить тревожащие его сердце мысли через образы, ритм, звукопись. Таинственный переход настроений, перепалды эмоций в его лирике достигаются гармонией рационалистичности и чувственности, возвышенности и иронии. Вот пример:

*В далекой вечности,
когда я стану Богом
И наконец сполна
вселенную создам,
Я вспомню налегке,
как по земным дорогам
Я брел беспомощно,
растерян и упрям.*

*И я пойму тогда,
сквозь ласковую жалость,
Зачем такой смешной,
в штанах и пиджаке
Стоял я у окна.
И солнце расплзлось
По лужам мартовским
и по моей руке...*

Любопытный штрих. Когда составитель антологии "Вернуться в Россию — стихами" (1995 г.) В. Крейд решил в предисловии привести пример совершенной поэтической формы, он вознамерился взять одну строфу из стихотворения Гершельмана "Золотое". Однако все строфы были настолько гармоничны, что В. Крейд привел их полностью.

К сожалению, Карл Карлович не ставил даты под своими произведениями, поэтому трудно проследить его эволюцию как поэта. А может быть, это и не стоит делать. Нужно просто наслаждаться мудростью спокойствия автора, сквозь которую лишь иногда прорывается безысходность в странном сочетании с жизнелюбием и озорством.

Писал он и рассказы, некоторые опубликованы. Это размышления о сущности бытия и других метафизических вопросах. В них сталкиваются реальность и фантазия, явь и сны, а человек находится в "пограничной" ситуации, что сближает взгляды писателя с эстетикой французского экзистенциализма. Тем же вопросам посвящены его философско-религиозные эссе и статьи, в частности, "О царстве Божиим". Думаю, что большую ценность представляет неопубликованная многолетняя переписка

Видения
Тушь, акварель. Конец 20-х — начало 30-х гг.
Частное собрание. Германия

Карла с русской поэтессой Верой Булич, жившей в Хельсинки. Однако для нас этот и другие источники недоступны.

Гершельман провел последние шесть лет жизни в Германии, но все его художественные и литературные привязанности были в прошлом. По духу он остался поэтом "парижской школы", как и большинство поэтов-эмигрантов. Что же значило их совокупное творчество в контексте русской литературы первой половины XX века? Об этом не скажешь лучше, чем Юрий Иваск, составивший антологию русской зарубежной поэзии "На Западе": "...самый факт эмиграции обогатил русскую поэзию "новым трепетом" и — следовательно — наше несчастье было одновременно и нашей удачей".

Прожил Карл фон Гершельман по нынешним меркам немного — чуть более полувек. А успел сделать в полунищенских условиях эмигрантского быта очень много. И мы, несомненно, должны отдать дань уважения этому человеку. Пусть он не будет "незамеченным" в том городе, где прошли счастливые годы его жизни.

Кстати, последняя мемориальная выставка Карла фон Гершельмана состоялась в 1989 году в германском городе-побратиме Одессы — Регенсбурге.

СТИХИ КАРЛА ФОН ГЕРШЕЛЬМАНА

*Этот мир,
где Пушкин и Шекспир,
Где зубная боль и поцелуи,
Где сижу я,
удивленный, и слежу я, —
Этот странный,
этот четкий мир...*

*Сам в себе,
как в театральной ложе,
С каждым днем внимательней
и строже,
Я слежу. Сравнительно большой
Проплывает мир передо мной.*

*Проплывает
отрочеством дальним
(Лодка над рекою и купальня),
Проплывает поцелуем у ворот
(Очень близкая щека и рот),*

*И войною девятнадцатого года
(На рассвете грохот пушек
по шоссе),
Папиросою ночного перехода,
Конской гривой в росе.*

*Проплывает этим садом и окном,
Лампою
над письменным столом...
Этим стулом проплывает,
торжествуя,
Где сижу я, удивленный,
и слежу я...*

*Сам в себе,
как в ложе театральной,
С каждым днем и строже
и печальней,
С каждым днем
все чище и нежней,
Из прозрачной глубины моей...*

*А самое главное? — вот что:
Я живу и жизнь хороша,
Утром солнце из сада, ночью —
Робкий шорох карандаша.*

*Кто-то вывел меня из потемок,
Поведет он меня и впредь.
Жить доверчиво, как ребенок,
И доверчиво умереть.*

*И окончится все, как надо:
Если надо: навеки спать,
Если надо — солнце из сада
И стихи, и я сам — опять.*

*Сижу над стаканом чаю,
Вечерние окна глухи.
Я жизнь, как стихи, читаю,
Читаю жизнь, как стихи.
Поэма страниц на триста.
Читаю в один присест.
Растянуто, водянисто,
Лишь пара удачных мест.
Удачны отдельные строки,
Ну, скажем, первые сны
О том, что женские щеки
И розовы, и нежны.*

*Строки о первом романе:
Как в комнате у нее
Сидели в углу на диване,
Сидели — и это все.
О том, как лежал кадетом
В саду, в траву животом,
И были: сад разогретый
И я, и Жюль Верна том.
Или еще (не вчера ли):
В столовой, молча с женой,
И четко часы стучали,
Стучали часы надо мной...
Отдельные полные строки,
Насыщенной жизни клочки,
Беспримесной и глубокой,
Все прочее — пустяки.
Все прочее — нагроможденье
Пустых и случайных фраз.
Плохое стихосложение,
Ненужно длинный рассказ
Про годы скучной работы,
Про то, как становишься стар.
Про службу, деньги, заботы
И вечной спешки угар,
И даже про климат гадкий,
Про дождь несносный наш...
Читаю все по порядку
И злобно грызу карандаш.
На каждом шагу заминка,
Вычеркиваю и рву.
Вот эти главы в корзинку,
Оставь одну строку.
Задумано — гениально.
Исполнено — ерунда.
С решительностью похвальной
В корзинку — и без следа.
Сижу над стаканом чаю,
Перебираю клочки.
Я жизнь, как стихи, читаю
Сквозь старческие очки.*

*Мне кто-то подарил
окно в весенний сад
И складки легкие
оконой занавески,
И сквозь окно
в саду отвесных сосен ряд,
Их бурые стволы
в косом заклатном блеске.*

*Взволнованно слежу,
как медленный закат
Беззвучно клонится,
огромен, чист и ярк,
О, неужели Бог
когда-нибудь назад
Свой удивительный
потребуется подарок.*

*Мы к этому дому,
и к этой постели,
И к этому миру
привыкнуть успели.*

*А было — ведь было! —
совсем по-иному:
Ни этого мира, ни этого дома,
И было чернее, но чище и шире
В том странно-забытом,
дожизненном мире.*

*Боимся мы смерти,
грустим о потере,
И все же влечемся
к таинственной двери,*

*И все же тоскуем
о странной отчизне,
О странно-забытой,
дожизненной жизни...*

*Но дверь отворилась,
взошли на крыльцо,
Нам черное,
чистое дышит в лицо.*

*Не напрасно загорелось
золотое,
Золотое,
что мы жизнью называем:
Эти сосны, ожившие зарею,
Это облако
с порозовевшим краем.*

*Эти ведра у колодца,
с легким плеском,
С мягким плеском
рассыпающие воду,
Гул трамвая
за соседним перелеском,
Отдаленный перезвон
по небосводу.*

*Из-за четкого вечернего покоя,
Из-за тучки
над колодцем тонкошеим,
Из-за жизни наплывает золотое,
Золотое, что назвать мы не умеем.*